

A photograph of a person in a blue kayak on a river, with a concrete dam structure in the background. The dam has a central opening and a staircase on the right side. The scene is surrounded by lush green trees.

Хромоногая

ПРАВДА

Борис

Георгиев

Борис Георгиев

**Хромоногая правда. Страшная
история для взрослых детей**

«Издательские решения»

Георгиев Б.

Хромоногая правда. Страшная история для взрослых детей /
Б. Георгиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748863-5

Две недели в доме на берегу реки, что может быть лучше? Там заповедный лес, озёра, соединённые протоками старицы. Можно гулять пешком или на лодке, пить чай на веранде с видом на реку — а платить за это не нужно! Но верно ли, что не придётся расплачиваться? Правду ли говорят, что в иле омутов таится речное лихо? Тс-с! Тихо, тихо. Не будите, иначе придётся остаться навсегда. Стоит только коснуться воды...

ISBN 978-5-44-748863-5

© Георгиев Б.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	10
III	18
IV	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Хромоногая правда
Страшная история для взрослых детей
Борис Георгиев

© Борис Георгиев, 2016

© Борис Гончарук, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

– Вот она, лодочная станция, – сказала моя жена.

Я повернулся помочь, чтоб не поскользнулась на склоне – морось, трава мокрая. Лидка не заметила протянутой руки, вид у неё был такой, будто что-то припоминала и... Нет. Не вышло. Она тряхнула головой, приняла помощь. Рука ледяная. Замерзла Лидка, Леда моя. Бочком осторожно спустилась и направилась к лодкам.

Да, подумал я, теперь станция здесь, а раньше была ниже по течению, за мостом, где пляж. Лодочная станция?.. Громкое название для мазанки общей площадью в десять квадратных метров. Трещиноватые серые стены, линялые занавески в оконцах, мутных, как незалитые zenки алкоголика, которому – восемь утра! – надо бы срочно принять. Хоть пива, если больше нечего. Танталовы муки. В двух шагах спасение – голубенький тент с рекламой местного пойла и два холодильника: приземистый, как Санчо Панса, – с мороженым? – и долговязый, как Дон-Кихот – у него за стеклянным забралом прохладительные напитки различной крепости. Под тентом столы, стулья. Всё вместе напоминало бы придорожную кафешку, будь рядом не река, а проезжая дорога, и если б не сгрудилась у берега стайка круглобоких лодчонок и гидродедов разного возраста – от ветеранов родом из развитого социализма до крепеньких современных, попсовых, с пластмассовыми поплавками в виде футляров для зубных щёток.

Лидка оценивающе приглядывалась к лодкам.

– Эту возьмём, её хорошо знаю, – сказал я, указав на ближнюю.

– Знаешь? Будто брал раньше.

– Брал, когда был с отцом в санатории.

– Тридцать лет назад?

– Получается так. По-моему, она не изменилась, всё такая же развалина.

– Выдумал. Не может быть.

Я не стал спорить, искал мобильник, чтоб звякнуть лодочнику. Телефонный номер нама-лёван был масляной краской на доске – та прибита к заплаканной иве; броско, но криво.

– Алё. Слушаю вас.

Замогильный голос за спиной. Номер-то я ещё не набрал! Я оглянулся и увидел лодочника.

Дверь хибары нараспашку, в тёмном проёме с шорохом полощутся противомушинные белые полосы. Оттуда и вышел он, чтоб обратиться с телефонным приветствием к докучливым, как мухи, посетителям. Вид имел такой унылый, точно со вчерашнего вечера предвидел крайне неприятное посещение, а теперь вот мы прибыли. Ох, беда, беда. Был кучеряв, до изумления трезв; тёр сизобритый подбородок как бы в сомнении, стоит ли продолжать разговор или, фигурально выражаясь, бросить трубку. «Сбежит», – подумал я и поторопился сообщить: хочу арендовать лодку, вот эту.

– Так ведь дождь, – сказал он, почему-то указав большим пальцем за спину.

Что там? А, дождевик. Прозрачный, синеватый, брошен на тощий куст. В восемьдесят втором мы называли такие плащи пластикатками. Сам вижу, что дождь. Сеялся, моросил всё утро; иногда, будто соскучившись, срывался, барабанил в оконные стёкла и выщёлкивал на речной спине пузыри. Пусть дождь, мы с Лидкой решили дойти вверх по течению до аланского городища и дойдём. Плащ нам бы не помешал, подумал я, припомнив: ну да, вчера, когда в сумерках бродили, осматривая окрестности и строя планы, видели эту самую пластикатку на хмуром типе, удившем рыбу прямо тут, в затоке. Вот чем занимается лодочник, когда не предвидится клиентов.

– Дождь это ничего, – сказал я. – Если что, мы вернёмся. Пластикатку бы нам. Спрашивали в магазине, но там такого нету.

Мы действительно спрашивали – без особой надежды. В местной лавчонке вообще ничего нет, кроме бухла и печенья. Губки ещё для мытья посуды имеются, такие же яркие, как губки объёмной голосистой реализаторши. Не уверен, правильно ли поняла меня, когда спросил пластикатку. Лодочник понял. Ещё бы, лет шестьдесят ему, должен знать, что и как называется.

– Плащ есть, я дам. Один, – уточнил он, покосившись на Лидку.

– Хватит с нас и одного, спасибо.

– Потому что второй не могу.

Вряд ли второй в резерве для постоянных клиентов, подумал я. Спровадит нас, возьмёт удочку, накроется плащом и... Говорят, в дождь хорошо рыба ловится, но я не пробовал, не для меня развлечение, грести – другое дело.

– Коврики ещё дам, – сказал лодочник.

Тон виноватый, стыдно ему, что зажал второй плащ, однако рыбалка превыше всего.

– Спасибо, – сказал я. Охлопав карманы, вспомнил: деньги в лидкином рюкзачке. Полез туда, выудил сотню, протянул лодочнику. Обычная такса, пятьдесят за час, цену можно не спрашивать, я перед отъездом гуглил. Или подорожало? Хватит с него за этакую руину, не лодка, а куча дров, гроб без крышки.

– Два часа, – сказал я на всякий случай.

– Ага, понятно. Сейчас. Вёсла только принесу. Вам какую? Эту? Сейчас. Коврики. Воду вычерпаю. Сейчас-сейчас.

Неубедительно он суетился, без огонька. Наконец ушёл. Неожиданно живо вернулся, волоча лапчатые вёсла, заодно притащил жестяной черпак и трёпаные коврики, вырезанные, по-видимому, в перестроечное время из чьей-то настенной гордости.

– Сейчас, – виновато бормотал он, ползая с ковшом по лодке, как чудовищный жук. – Воду. И коврики. Я думал, не придёт никто. Дождь ведь. Зачем в такую погоду?.. Неприятно же, мокро. Мерзко. Вы точно хотите?.. Опасно. Но я вам коврики. И плащ. Один.

– Почему опасно? Хватит одного, – стоически напомнил я. Бывают же такие люди, нудилы.

– Я под зонтом, – неуверенно поддержала Лидка, с подозрением осматривая лодочное нутро, облупленное, крашенное многократно в разные цвета, синее ныне.

– Начинаю верить, что это та самая, – шепнула она, когда лодочник выбрался на укреплённый сваями берег и подтянул лодку за ржавую цепь.

– Ну говорю же. Я её хорошо помню. Тридцать три года.

– Кому тридцать три? – вяло удивился лодочник, гремя цепью. На Лидку зыркнул, потом снова стал ковырять ключом в амбарном замке. – Потому опасно, что... Ну вы ведь вниз пойдёте по течению?

«Лодку отцепляет, как собаку спускает с цепи».

– Тридцать три? Точно не мне, – оскорбилась Лидка. Лада моя.

– Лодке, – сказал я. – Но ей больше.

– Он имеет в виду, – пояснила Лидка, – что брал её тридцать три года назад. Лодку. Значит, она старше тридцати трёх.

– Очень может быть, – с фальшивым оживлением поддакнул лодочник. Видно было: подтвердит что угодно, чтоб побыстрее сплавить нас с глаз долой и заняться рыбной ловлей. – Очень даже возможно. Лезь, девушка, если не передумала. Я не застал, меня здесь ещё не было. Николай про лодку рассказывал. Ты дальше лезь. Не бойся, я покамест держу. Он говорил, она с той поры с придурью. Лодка-то.

– Лид, давай на корму. Чего остановилась?

– Коврик сначала постели, девушка, с ним не так противно будет. И второй тоже. Не передумали? В дождь, знаете ли, всякое бывает. Но вы же по течению? Николай говорил...

- Нет, не передумали, – ответил я, чтоб пресечь лидкины колебания.
- Тогда лезь ты теперь. Цепь я держу.
- И мы именно что против течения, – сказал я, усаживаясь. – Если польёт, вернёмся.
- Вёсла на.

Я принял вёсла одно за другим, когда вставлял в разболтанные уключины, лодку качнуло. Не терпелось ей, норовистой.

– Я держу, – бормотал лодочник. – Вернётесь? Это, знаете ли, да. Николай рассказывал, с этой самой лодки она и...

– Кто?

– Да была тут одна. Утопла выше по течению, на озёрах. У моста её выловили.

– Врал наверняка ваш Николай. Про лодку.

– Может, и врал, хотя на него непохоже. Не знаю, это ещё при совке случилось, не было меня здесь. Про лодку я сказал, а вы сами как знаете. Тут ещё погода... И против течения...

«При чём здесь течение? Что-то было такое с ним связано. Примета. Причуда. Теки, река, реки, река... дальше не помню. Погода?»

– А что погода?! – с некоторым раздражением спросил я. – Если ждать, пока прояснится, вечно можно просидеть на берегу сиднем. Может, кому нравится, нам не очень.

– Угум, нравится. Прояснится оно, как же. Не. Смотрите, какое небо. Дождь суточный.

– Какой?

– Суточный. На сутки зарядил, не меньше. Э, мужчина! Пластикатку-то забыл. Без неё вы вообще...

Я взял плащ, сунул под кормовую банку, Лидке под ноги, и агрессивно спросил:

– И что же мы без неё?!

– Да вы и с ней-то... Всё? Я толкаю?

– Толкайте, – буркнул я. Надоел, болтает про утопленниц. Судя по тому, как отпихнул лодку, мы ему тоже.

Нас медленно вынесло на самую середину протоки, что-то скребнуло по правому борту, должно быть водоросли. Попахивало болотом, дорожка тёмной стоялой воды узка, дальше каша из ядовито-салатной ряски, истыканная сухими остяками рогоза и редкими, похожими на перья зелёного лука, пучками осоки.

Я попробовал вёсла, неловко развернул лодку. Конечно, за три десятка лет лучше она не стала. Планшир новый, но остальное... Дождь пошёл сильнее. Я глянул на лодочника. Тот, сунув руки в карманы, наблюдал, как управлюсь. Мне показалось, он шевелил губами, будто молился. Чепуха, подумал я. Скорее всего, бормочет себе под нос, что дождь зарядил на сутки и потому называется суточным, и что в дождь против течения в этих местах ходить опасно, но если постелить коврик и натянуть плащ, то очень возможно, что пронесёт, хотя вряд ли, особенно в этой лодке, про которую Николай рассказывал... Что рассказывал?

«К чёрту всякие байки, к водяному, к лешему и к помешанному на рыбной ловле лодочнику-хмурику», – решил я. Всерьёз взялся за вёсла.

– Мужчина! Ты накинь хотя бы! Чуешь меня?! Эй, ненормальный! – вопил с берега лодочник. Я решил не отвечать, пусть блажит.

– Накинь, а? – жалобно попросила Лидка, протянув синеватый полихлорвиниловый ком. Сама нахохлилась под зонтом, рюкзачок с драгоценными своими мелочами пристроила на коленях.

Плащ я не взял и ничего не ответил, грёб. Прихваченная тина висла на вёслах, с нею казались чуть не полтонны каждое, но мне не хотелось сдаваться. Ещё раз. Ещё... Ох ты, как будто не пускает кто-то, за лопасти хватает зелёными лапами. Ещё раз. Ещё...

– Лидка! – взмолился я. – Сними эту дрянь с лопат.

– Как?

– Ну как-как... Я сушу вёсла по одному, тебе только руку протянуть. Не бойся, ничего не будет. Что с тобой?

Жена глянула на меня с укором, не ответила. Я не без труда подвёл весло к борту – осторожно, чтоб не перевернуло нас кверху килем. Лидка несмело потянулась, коснулась пальцами пропитанного речной водою осклизлого мотка...

– Ах ты!

От неожиданности едва я не выпустил рукоять. Не моток водорослей, а чёрт знает что, лапа – не лапа, раздутое, белесое, с когтями. Ухватило, вцепилось. Я опомнился, налёг на весло, не дал вырвать из уключины. Лидка вопила, слов я не разобрал. Не до криков мне, на вёсла так нажимал – скорлупка в воде просела, вот-вот черпнёт. Борта трещали, так я навалился на сволочные эти деревяшки. Из воды лицо высунулось. Безглазое, трупное. «...онца!» услышал я сквозь звон в ушах, и вдруг всё кончилось так же внезапно, как началось.

– Со второго тоже снять? – спросила жена моя, Лидия Владиславовна, брезгливо осматривая мокрые, с налипшей ряской, пальцы.

Лодка едва заметно покачивалась, освобождённые от водорослей лопасти поблёскивали, с них текло.

«Лида спокойна. Дьявольщина. Мне что же, почудилось?»

– Не надо со второго, – отозвался я. – Само очистилось.

– Может, всё-таки накинешь плащ?

Я не нашёл в себе сил отказать, без слов натащил на голову мутный капюшон, продел в рукава руки. Лодку между тем вынесло из протоки на открытую воду бортом вперёд. Я снова взялся за вёсла. Пластикатка трещала, как целый взвод сверчков. Грёб я и думал: что мы делаем? Мы, двое взрослых, прёмся вопреки здравому смыслу и советам знающих людей в дождь против течения. Каким чудом мы здесь оказались? Я – ладно, всегда был упрямым. Но Лидка? Поначалу и слышать не хотела про Коропово, а теперь – извольте, выглядит довольной. Лидка, Лето моя. Глянувши на Лидку, поспешно отвёл взгляд. Чутьё на фальшь у неё – лучше не надо. Не в том ужас, что мерещится всякое, а в том, что Лидка чужой кажется, подменённой. Чепуха. Шестнадцать лет вместе. Почему мне странно, что мы вдвоём в лодке? Мы?.. Себе не ври хотя бы. Как я сюда попал, каким чудом? Рахим с его предложением, сборы, потом трепливый таксёр, дом-хоромы, мостки. Когда я почувал неладное? Чёрная собака – к раздору. Примета чуда. Причуда. Теки, река, реки, река... Об этом нельзя, брось. О том лучше, как мы с женой – именно «мы» и «с женой», понятно тебе?! – попали в чужой дом на берегу Донца. Раскрой оконце до самого донца... Фу, говорю. Фу! Нельзя. Лезет из прошлого всякая донная муть. «Утопла», – лодочник сказал. Утонула и утонула. Мир с нею.

Я старательно грёб против течения, размышляя над тем, как мы с Лидкой оказались в чужой доме на берегу реки.

II

Таксёр всю дорогу развлекал меня политическими рассуждениями, я помалкивал, чтобы трепло это нас не угробило в запале дискуссии, лишь изредка позволял себе вклеить междометие – осмотрительно, потому как очень скоро потерял нить и не хотел репликой «да-да, конечно!» подписаться под какой-нибудь гадостью. Таксисту не нужен был собеседник; кажется, и без слушателя легко обошёлся бы, политика лезла из него сама собою, лилась сквернословным потоком, как из ополоумевшего радио. Кажется, сам не понимал, что несёт. Впрочем, раз или два всё же извинился перед Лидкой за особенно крепкие выражения – почём зря. Спала она. Пока я забрасывал баулы в багажник, основательно устраивалась на заднем сиденье, точно не час езды нам, а десять. Всё ещё дулась на меня за то, что не сказал заранее куда везу, поставил перед фактом. «Коропово? Это где?» «Бывший Коробов хутор, село Задонецкое. Не слышала разве?» «Слышала. Туда не поеду» «Почему? Там река. Донец. Понимаешь, дом прямо на берегу. Красота! Надо ехать, я обещал» «Не хочу, и всё». Чем больше упиралась, тем больше я настаивал, пытался дознаться: «В чём дело? Почему? Чем тебе не нравится Коропово?» – и чем больше выпрашивал, тем больше она злилась. На меня или на себя – не знаю. Поехали из чистого упрямства, это надо отметить. Сам я тоже чуть было не отказался, когда Рахим поведал, где его дача распрекрасная – в Коропово, неподалёку от моста, Монастырская семнадцать. «Первая линия, старик! Прямо на берегу!» Меня как водой окатило, когда вспомнил ржавые колонны мостовых устоев, заросли осоки, ряску на тёмной воде озёр, но я подумал: «Вот новости. Столько лет прошло. Выходит, до сих пор мною вертят как хотят? Ну нет. Вообще интересно глянуть, как там всё теперь, да и Лидке отдохнуть надо от аквариумов, террариумов и серпентариумов – поближе к открытой природе. Коропово именно то, что нужно». Подумавши так, дал себя уломать, взял у Рахима ключи, выслушал наставления как что включать, щедро пересыпаемые славословиями в адрес несравненной дачи, где предстояло нам с Лидкой провести две недели. Рахима она невзлюбила с первого взгляда – лгун, мол, предатель. Многие так о нём говорят, но я его давно знаю. Ничего особенного, обыкновенный жулик, каких много. Сам понимаю, что охи, ахи и причмокивания, коими сопровождал дачный панегирик, неискренни, но копаться в этом не хочу. Кто другой пусть разбирается, где торгаш врёт просто по привычке, а где умышленно, с прицелом выгодно предать. Плевать мне. А Лидка вот даже слово «предательство» выговорить нормально не может, до того ей противно. Отчасти поэтому я и не сказал заранее ничего про рахимово предложение, а больше потому, что хотел сделать жене сюрприз. Две недели вдвоём у реки! Мальчишки пусть резвятся в спортивном лагере, им папа с мамой ни к чему, только мешали бы. Тёмка ещё туда-сюда, а Димка тут же и забыл про нас, погрузившись в автобус. Одному четырнадцать лет, другому пятнадцать – а какая огромная разница! Помнится, сам я... но у них теперь всё иначе, как они думают. «Братья-волчки» – так их обзывают. Ещё «ильичи» – по отчеству. Это я вижу огромную разницу, посторонние наших погодков принимают за близнецов. Лидка всё удивляется, в кого такие бандиты? Я-то знаю, а ей ни к чему. Жаль, не было у меня брата вроде Димки или Тёмки. Как раз в их возрасте... Ладно, дело прошлое. Не хватало им в такую же историю вляпаться. Как они? Позвонить? Нет, пусть Лидка.

Только я повернулся разбудить жену, чтоб звякнула детям, как всем телом и прикушенным языком ощутил – приехали. Дурацкий ухаб. Кое-что никогда не меняется, три десятка лет тому, когда рейсовый пазик подбросило на этом самом ухабе, я тоже прикусил язык и выслушал, что водила думает про местные дороги. Раскатистая громоподобная брань, современному таксёру такое не под силу, кишка тонка. Занятный был водила, всё делал со вкусом, шумно. Со скрежетом остановил разболтанный сарай на колёсах; рывкнул на бабuleк с торбами, чтоб прыгивали быстрее, ворча потянулся к рычагу передней двери – интересная такая шарнирная

штуковина, метра полтора поперёк салона – и дверь за бабульками захлопнул так, что тут бы пазику и конец пришёл, не будь тот привычным к подобным выходкам. Одно слово – шофёрюга. Грубиян, а перед мостом остановился – пропустить встречного. Надо сказать балаболу, сам не догадается.

– Остановите, пожалуйста. – попросил я.

– Укачало?

Я обернулся. Лидка хорошо вздремнула, пробудилась от встряски, потягивалась, видно было – не вполне понимает, где находится.

Машина съехала на обочину, к развалинам остановочного павильончика.

– Нет, всё в порядке, – ответил я, уразумев, что таксёр опасается за чистоту салона. – Там мост. Узко, не разминуться, если встречный.

– А, вон вы о чём.

Он открыл дверь, вылез, выставив одну ногу на дорогу, и глянул вверх крыши своего шикарного драндулета. Я тоже решил выйти, размять ноги и осмотреться, раз уж всё равно остановились. Спросил: «Лид, не хочешь подышать? Отсюда реку видно, мост». Не стала выходить, снова надулась как мышь на крупу. А я огляделся. Шлагбаум убрали, мост не тронули. Всё такой же узкий.

– Зря остановились, нет никого. Вы говорили, от моста езды две минуты?

– Нам торопиться некуда, – сказал я.

– Как знаете, счётчик тикает.

Тихо как, подумал я.

Слышно было, как кто-то на том берегу тюкает топором. Заунывный зуд справа. «Кто-то идёт моторе от излучины к мосту. Голоса. У воды дальше слышно».

– Сорок минут от города, и вдруг такая глушь, – сказал таксёр. – Я бы тут с тоски окочился. Чего здесь вечерами делать? Нету же ничего, жизни нету.

– Тут вся жизнь на реке.

Как бы в подтверждение моим словам зуд лодочного мотора прихлынул, голоса грянули хором песню. К мосту шёл моторный понтон, крытый полосатым тентом, на нём толпа гуляк орала нечто невразумительное а-cappella.

– Разве это жизнь? – спросил таксёр.

Я не нашёл с ответом, махнул рукой: «Ладно, поехали», – и минут через пять мы были на другом берегу, у неперелазного тына с богатырскими автоматическими воротами.

– Сюда заезжать? – с большим сомнением осведомился таксёр. Видимо не смог совместить мой затрапезный вид с таким забором. На табличке «Монастырская, 17», вроде сюда. Ничего себе у Рахима дачка. Разумнее было бы проверить сначала, подойдёт ли к замку ключ, но я счёл за благо расплатиться и отпустить болтуна восвояси. Пусть думает что хочет, в другой раз, быть может, не станет судить о людях по одежке. Выгружая наши баулы в придорожную траву, он пожаловался Лидке: «Разве это жизнь? Нежить», – и с этим уехал.

– О чём он? – спросила Лидка. – Кого нежить?

Я тоже не понял, к чему нелепая сентенция про жизнь и нежить, решил, что таким образом высказано было отношение к дачникам вообще и к голосистой понтонной компании в частности, но Лидке ответил:

– Кого он станет нежить – его личное дело. Я – тебя.

– Оставь, Илья. Хватит, поставь меня. Прямо на улице! Фу-уф. Ты уверен, что приехали куда надо?

Она отвлеклась – исправляла лёгкий беспорядок в одежде, а я, втихомолку радуясь, что с обидой лидкиной за моё самоуправство, кажется, покончено, разбирался с ключами. Брелок оставил в покое – опасаясь всяких механизмов вроде автоматических ворот – искал на калитке пяточок, куда требовалось приложить чип-ключ. Нашёл, приложил, выслушав замочный писк,

сказал: «Вот теперь я уверен, приехали», – и отворил калитку. Лидия вошла первой, вернее собиралась войти, пока я примеривался подхватить оба чемодана одной рукой, но что-то ей помешало.

– Что там?

Калитка полуоткрыта, Лидия наклонилась подобрать какую-то сложенную вдвое бумажку. Развернув сказала:

– В дверь сунули. Записка. А я думала, счёт за что-нибудь. Ну-ка...

Я хотел попросить её, чтоб не читала, очевидно же, что не нам адресовано, но она прочла вслух:

– Вернулся? Обживайся в аду.

– Что?! Ну-ка, дай.

Дурацкие шутки, подумал я. Кто-то тут невзлюбил Рахима. Детская выходка. От руки, но буквы печатные. Странно. Почему-то каждое слово с новой строки и с большой буквы.

Вернулся?

Обживайся

В

Аду!

«Вова», – составилось из заглавных букв.

– Что такое, Илья? Что с тобой?

Я отёр лоб рукой, в которой записка, подумал: чепуха, совпадение просто. Или это подпись? Владимир – не такое уж редкое имя. Какой-нибудь местный Вован подписался таким экстравагантным способом. Что ж, это делает ему честь. А если всё-таки обращение? Как Рахима зовут? Смех и грех. Не знаю. Рахим и Рахим, все его так величают, даже секретарша. Это что же выходит, кличка? В любом случае я ни при чём.

Я смял записку, поискал куда выбросить, но ничего похожего на урну поблизости не было. Пришлось сунуть в карман. Вот так приветствие: добро пожаловать в ад! Обживайся, Вова.

– С тобой всё в порядке? – переспросила жена.

– Да! – выдохнул я. – Чего-то голова закружилась.

– От свежего воздуха. У меня тоже. Срочно надо к выхлопной трубе, это я тебе как дистоник дистонику рекомендую. Брось чемоданы, потом заберём, ничего с ними не станется, пусто же, ни одной собаки.

Всё же я занёс баулы во двор и с большим удовольствием запер калитку. Пусть в записке и не обо мне речь, лучше чтоб между нами и автором был хор-роший такой забор. Лидка права, нет у Рахима собаки, есть всякая электроника. Сигнализация, камеры, ворота автоматические вместо привратника, но враги, если судить по записке, из мяса и костей. Зато у соседей собаки имеются.

Собаки перелаяивались вдалеке и поблизости и где-то под горой и за рекой охрипшим басом: «Бов! Ов! Бов-вов!» От их тоскливого брёха по другой какой-то причине мне было не по себе. Я поёжился. Почему стемнело? Даже цикады умолкли. Утро же, только что солнце шпарило. От реки что ли тянет сыростью? Встряхнуться надо. Я потащился следом за Лидкой к дому, слушая восторженные комментарии: «Хорошо! Хорошо, что газон не стрижен, мягко. Это что тут? Ага, терраса. Зачем с этой стороны? Лучше бы там, с видом на реку. Вход здесь? Вот так дверница! Нет, в дом не пойдём, это успеется. Я хочу... Ага, вот по этой дорожке. Пойдём, Люшка. Хочу посмотреть. Ты обещал вид на реку, но пока что... Ох. Тут розовый куст. Осторожно, он хватается. Говорю, ты обещал вид на реку, но пока что... О-о! Вот где настоящая терраса! Это я понимаю. Шезлонги тут есть? Обязательно должны быть. Нет, не ищи, после. Смотри, с террасы вниз тропинка. Там мостки? Туда можно? Илья... Я...

Голос у неё сломался.

Я взял её за руку. Дрожала и была холодна. Нервничала Лидка. Не начался бы у неё от избытка чувств приступ. Хорошо, что я рядом. Когда с нею это случается, надо обнять, не выпускать, уложить в постель, лечь рядом, чтобы согрелась и смогла уснуть. Когда с нею такое – трясёт её, бормочет невнятно, холодная становится, как ледышка, – я знаю что делать. В первое время приступы меня пугали, но скоро привык и научился пресекать на корню. Вот как сейчас. Чего бояться, если есть простое, доступное лекарство. Обнять...

– Подожди, Люш.

Она высвободилась.

– Ты устала, – сказал я, пытаюсь удержать. – Потом будем разгуливать, сначала перекусим, устроимся, разберём вещи.

Старался говорить спокойно, но у Лидии прекрасное чутьё на фальшь.

Она строптиво тряхнула головой. «Ты не понимаешь!» Слова я не успел сказать, она уже к мосткам спускалась. Ну что с ней, с упрямицей, делать? Главное – не оставлять одну. Ишь, как к воде кинулась.

Я спустился по кривой, мощёной корявым плитняком тропке к деревянным мосткам, критически оглядел их, – крепенькие, крашенные в зелёный цвет, – ступил на гулкую палубу.

– Лид, ты куда сбежала?

На этот раз она не стала уворачиваться. Так стояли мы, она спиной ко мне, крепко схваченная, смотрела на текучую воду, а я поверх её головы разглядывал небо над верхушками сосен, росших на том берегу. Не знаю, о чём думала Лидка, я же – про то, что теперь понятно, откуда холод. Лезла из-за реки туча, солнце съела, подмяла под себя лес; в подбрюшье у неё черным-черно, как бы грозы не случилось.

– Илья! – позвала Лидка так, будто я далеко.

– Да, – шепнул я.

– Есть у тебя места, где тебе нельзя бывать? Запретные.

– Что за чепуха? Нет, ну бывают всякие закрытые зоны, секретные охраняемые базы всякие, но, честно говоря, меня такое не интересует. Нельзя и нельзя, не больно-то хочется.

– Не понимаешь, – пожаловалась она. На этот раз не смогла сбежать, я не пустил. – Причём здесь базы? Никакие не секретные и не охраняемые. А если хочется? И больно. Очень.

– Не понимаю. Объясни, почему хочется? Почему нельзя и почему больно, если нет никакого секрета и всем туда можно?

– В том и беда, что можно в любой момент. Представь, там у тебя самое... нет, не самое дорогое, но очень-очень. Поэтому тебе всегда туда хочется. Но тебе нельзя – именно тебе, именно нельзя.

– Почему?

– Потому что ты знаешь: будет больно. Однажды было, больше ты такого не хочешь. Понятно?

– А, – сказал я. – Понятно.

Шестнадцать лет назад, когда обрушилась на нас любовь, что-то похожее она говорила. О прошлом. Ну должно же быть у человека тридцати с лишним лет какое-то прошлое! Разговор чуть разрывом не кончился, слава богу хватило ума остановиться. По тридцать два обоим стукнуло, а вели себя точно дети. «Прошлое в сундуке! Понятно тебе?! – кричала она. – Под замком! Ключ я бросила в воду! Понятно?!» Влюблён я был в Лидку по уши, терять не хотел из-за какого-то никому не нужного прошлого, поэтому постарался понять. Мне казалось, понял. Как это здорово – жить заново, всё с чистого листа! А теперь вот ей «всегда туда хочется».

Она повернулась ко мне лицом. Наконец-то. В рубашку вцепилась, будто хотела встряхнуть:

– Что тебе понятно?

– Ты хочешь, чтоб я нырнул за ключом.

– Что?! – Лидка заглянула в глаза. – Почему ты так сказал, будто я... А?

– Не помнишь? Сама когда-то говорила, что прошлое в сундуке, под замком, а ключ на дне реки. Вот я и спрашиваю, не хочешь ли ты, чтоб я полез в воду за ключом?

Она судорожно передохнула и оставила в покое мою рубашку. Я подумал: нет, отпускать рано, разревётся. Ничего. Выплачется, тогда и выпущу. Всё будет хорошо. Ошибся. Не собиралась она плакать. Снова заглянула в глаза, проговорила с расстановкой:

– Теплее, но ещё не горячо. Кое-что понял. А я думала... ты всегда знал? Всё это время?

«Что я понял? Что я знал всё это время? Помогите!»

Вслух я, разумеется, помощи не попросил, смолчал.

– Хорошо, – сказала Лидка.

Не могу сказать, что мне было очень хорошо, я ждал продолжения.

– Хорошо, что ты меня сюда привёз. Так мне хотелось, чтоб кто-нибудь взял меня за шкурку и зашвырнул прямиком в...

– Ещё чего. В реку швырять не стану, плавать не умеешь.

– ...в запретное место, в самую середину, – дрогнувшим голосом продолжила она. – чтобы я поняла: не было там никогда ничего страшного, боли больше не будет.

– Боли больше не будет, – пообещал я. Самоуверенный болван. Тут же и поплатился.

– А ты? – спросила Лидка, понизив голос. – Есть у тебя такие... запретные места?

Никто, кроме самого близкого человека, не может вот так вот прицельно попасть в болевую точку, выбрав для экзекуции наилучшее время и место.

Я выдавил:

– Нет, – прекрасно понимая, что Лидку обмануть не получится.

– Вот как? Мне показалось, или ты сказал «да»?

Мне бы орать: «Да!», – рычать, ударить кого-нибудь, схватить за горло, но в сорок семь ведёшь себя иначе, чем в пятнадцать. Я просто отвернулся, выпустил Лидкины плечи. Вернее только собирался.

– Не отпускай, – попросила она.

Я послушался. Дышалось трудно. Думал: всему есть предел, любому терпению, любой выдержке, она правильно сказала – нужно чтоб зашвырнули в запретное место, в самую серединку, иначе не получится понять, было ли там что-то страшное или всю жизнь прилежно выдумывал себе страх, тёрся у ограды, которую возвёл сам вокруг запретного, чтобы не заехать туда ненароком даже в мыслях, даже в снах, а вот поди-ка наяву попробуй, благо это неподалёку. Ты же потому и решился сюда приехать, чтобы выяснить: было или не было? Ну?.. Нет.

– Что «нет»? – удивилась Лидия.

Оказывается, говорил вслух. Интересно, много ли наговорил? Раз начал, надо продолжать.

– Сразу в запретное место я не смогу, лучше для затравки побродить около, – сказал я.

– Как знаешь. По мне, так лучше сразу, как с моста в воду. Расскажешь?

– Долгая это история. Давай для начала сходим туда, где она началась.

– Где она началась?

– Неподалёку, десять минут пешим ходом. Если не спешить.

– Ладно, мы не будем спешить.

– Раз не будем, самое время перекусить и разобрать вещи. А на обратной дороге в магазин заскочим, если его ещё не снесли.

Так и вышло, что всего-то через полтора часа после приезда мы оказались в заброшенном санатории.

Центральный вход нашёлся не без труда, дикий виноград оплёл заваренные наглухо ворота и расползся около. Выглядело это так, будто на заборе оставили для просушки плюшевое покрывало, вывесили, да так и забыли. Поизносился плюш, прореха на прорехе, и в дырках шершавые кости бетона, ржавые прутьев – жалкий остов. Была мощь, теперь мощи. Но если теперь мощи, была ли мощь? Вот на этой вот торчащей кости, что прямо у входа, серый колокольчик радиотрансляции приторно подвывал: «Лето, ах лето, лето звёздное, звонче пой,

лето, ах лето, лето звездное, будь со мной!» – и мне, разомлевшему от жары, лето казалось бесконечным. «Я так хочу, чтобы лето не кончалось...» Смешно было слушать первого июля, но ничего смешного не получилось – две недели, и всё. Конец.

– Тут теперь не войти, – сказала Лидка. Пока вёл, шла молча, куда веду не спрашивала, видела – начать разговор будет непросто. Ох, Лидка, Лето моя. Ты же навсегда, правда? Кругом один обман, видимость, всё кончается, так хочется хоть во что-нибудь безоглядно верить.

Рыжая девчонка с дорожной сумкой через плечо, едва заметно шевеля губами, подпевала сладкоголосому серому колокольчику: «Я так хочу...»

– Не войти, – подтвердил я, отогнав видение. – Попробуем через лесную калитку.

– Пойдём же! – торопила Лидка. Утащила меня от центральных ворот и повела в обход. Столовая, летний кинотеатр, танцплощадка, барбарисовая аллея – куда всё делось? Чаща, лианы, как в джунглях, будто ничего и не было. Так, должно быть, выглядел замок спящей красотки: волчцы и тернии, попробуй влезь. Этот обросший плющом плоский курган – крыша летнего кинотеатра? И ведь не сто лет прошло. Какой силы должно быть проклятие, чтоб за треть положенного срока мощь обратилась в мощи?

Мы свернули с деревенской улицы, прошлись по выгоревшей на солнце щетине опушки к тому месту, где склон горы вплотную прижимался к забору, как гигантский истыканный соснами кротовый холм. Пробовал крот-великан подкоп устроить, да так и не смог. Время сильнее сказочных чудиц; с забором справилось легко, а может, помогли люди.

– Калитка ни к чему, – сказал я.

Потому что с лесной стороны от забора остались искорёженные стойки, а местами и вовсе одни воспоминания.

– Не найти тебе теперь лесную калитку, – сказала Лидка.

Я переступил невидимую черту там, где раньше лазил через забор, когда лесная калитка была заперта на ночь, рассеянно ответил: «Почему не найти?» – думая при этом: «Ну вот я здесь, а душа моя... где?» Где-где. В пятках трепыхалась, страшно было подумать о том, что собирался рассказать Лидке. Сильно я сомневался, что неузнаваемые развалины помогут начать.

Лидка осматривалась, тоже ей было не по себе.

– Почему не найти? – повторил я. – Там она, пойдём покажу.

«Кое-кто, помнится, хвастался, что найдёт в полной тьме, безлунной ночью».

Я привёл жену к месту, где не осталось даже столбов, к которым раньше была привешена лесная калитка, сказал: «Здесь».

– Откуда ты знаешь, что она была здесь?

Я присел на корточки, пошарил в траве, оборвал клеверные плети, расчистил торчащий из земли уголок железобетонной плиты, пояснил:

– Вот. Эта плита была под калиткой, при входе.

– Я не про то спрашиваю. Сама знаю, где она была. Но ты! Откуда знаешь, где была калитка? Откуда ты знаешь, что она называлась лесной?

– Сказал один человек. Мы с отцом отдыхали в санатории в начале восьмидесятых.

– Какой человек?!

– Что за тон, Лида? Это допрос?

Я поднялся, заложил руки за спину. Мы стояли друг против друга: она и я. Как рассказать ей? Почему я вообще должен кому-то такое рассказывать? Тут самому бы разобраться.

– А если допрос?

– Тогда не скажу.

– Зачем же было вести меня сюда?! Чтобы я сама...

Сердилась Лидка, но «чтобы я сама» – это уронила в отчаянии. Я спешно искал, как бы отшутиться, и не находил слов, в замешательстве глянул туда, где в чаше сирени виднелись серые доски, подумал: «Домик на двоих. Две кровати, между ними тумбочка. Два окна». Припомнить как следует обстановку санаторского домика не успел, краем глаза какое-то засёк шевеление. «Чёрная тень. Там второй домик? Да, точно. Были два синих домика, слева от тропы и справа, номера...»

– Чтобы я сама?! – повторила Лидка.

Ни номера вспомнить я не успел, ни удивиться лидкиному беспричинному озлоблению. Чёрной фурией, с рычанием бросилась на нас собака. Что я говорю – на нас? Между нами, щеря пасть, кинулась, а когда я отпрянул, присела, на меня гляючи снизу вверх, – морда к земле, хвост поленом, уши острые прижаты, и я понял – сейчас прыгнет. Хорошо, что на меня, а не на Лидку. Палку бы, камень, хоть что-нибудь. Ничего нет, придётся голыми руками, ногами. Кажется, я кричал. Только поэтому сразу не прыгнула или ещё почему? Руку на неё поднял. Не поднимать надо, а локтем лицо прикрыть и шею. Здоровенная тварь, бешеная. Всё исчезло, ничего я не видел, кроме слюнявого оскала. Строка под язык подвернулись: «прочь, прочь, прочь!» – и тут же из памяти выскочили будто наяву услышанные детские стишки:

Не рычи Эрида, Нюкты дочь,
Спрячь клыки и скройся
В ночь...

Девчачий голос пробормотал скороговоркой, но это мне, конечно же, почудилось. Я ждал: вот сейчас она хватанёт за локоть, и надо будет...

Не понадобилось.

Лидка на мне повисла, теребила, спрашивала:

– Всё в порядке с тобой, Люш? Ну что ты молчишь? Илья! Ты кричал...

Я огляделся. Собаки и след простыл. В горле першило, словно песка наглотался. Я откашлялся, проговорил:

– Эрида. Раздор. Ты как?

В порядке Лидка. Обошлось. Чёрную тварь ни словом не помянула, как и не было ничего. Вместо этого:

– Извини, это я. Я виновата. Не надо было выпрашивать, лучше я сама. Сама.

– Я скажу. Расскажу, откуда узнал про лесную калитку. Один мальчишка... Звали его Вовкой. Надо только присесть где-нибудь. Пойдём к танцплощадке, там скамейки. Если остались.

До танцплощадки мы не дошли, лавочка обнаружилась ближе, в самом конце барбарисовой аллеи, где раньше был последний фонарь.

– Давай здесь, – сказал Лидка.

«Вот именно, – с горечью подумал я. – Здесь больнее. И поделом».

Неприятно было сидеть на дряхлой скамье, неудобно, краска облупилась, брусья сплошь в жёстких стружьях. Обопрёшься – впиваются в ладонь, руку закинешь на спинку – тоже колко. Но Лидке хоть бы хны; усевшись, тут же спросила:

– Про мальчишку, которого звали Вовкой. Ты его знал? Что он тебе рассказывал? Я потому так выпрашиваю, что...

Я кивнул, поднял руку: «Сейчас». Собрался с мыслями. С чего бы начать? Про Вовкино порченное лето.

III

В комнатухе фанерного домика двое: отец и сын, – нет места для третьего, на двоих едва хватило. Расстояние между кроватями – ровно чтоб поместилась тумбочка. Курятники – так граждане, отдыхающие в санатории славного бронетанкового завода, называют между собою домики, но, правду сказать, больше всего строения эти похожи на ульи, а сам санаторий, если глянуть на него со стороны – на огромную пасеку. Влетают и вылетают из разноцветных ульев деловитые пчелы разной степени обгорелости, роятся, собираются иногда в столовой, а когда и в других местах, на реку летают и вообще снуют по окрестностям, мёда только вот не дождёшься от них, одно слово – курортники. Ну что это за курорт, думал сын, дыра дырой. То ли дело – Ялта, но туда не поехали, и теперь понятно почему. Теперь всё понятно.

Зол сын на отца, ох как зол. Всё из-за него. Лето испорчено.

В автобусе, когда от станции ехали, догадался: нечисто дело, не зря были свободны два места позади тётки с рыжей девчонкой и тётка эта оказалась знакомой неслучайно. Вовсе не потому что ехали вместе от станции, в столовой попали с ними за один стол. Дурацкие уловки. Нельзя было прямо сказать? Отец подъезжал так и сяк: какая Юлечка симпатичная да как было бы хорошо, будь она сестрой. Большая радость! Тощая, рыжая, да ещё и старше на год. Вела себя как дура, говорить с такой не о чем. Дура-дура, а с какой стороны у бутерброда масло поняла раньше меня, думал сын. После обеда, когда отец завёл разговор про вечер, шепнула на ухо: «Вот что, Вовчик-братик, вечером ты в одну сторону, я в другую, у меня дела. Родакам ни слова. Понятно?» Ну что ж тут непонятного. Не будет в этом году моря, потому что отец уговорился с тёткой, с Татьяной Леонидовной, съехаться в санатории, и чего доброго женится, накачает сыну, и вправду, деловую Юльку в сёстры.

Злился сын, не знал куда деваться от злости. Комната два с половиной на два с половиной, душно, окна-двери закрыты, потому что иначе налетят комары и ночью не дадут спать, да ещё и отец, небось, как с вечера завезется с Танюшей, так и прошьётся до полуночи, если не позже. Разговоры про «сходим на вёслах», «сплаваем» и про кино вечером – враки. Только чтоб сказать. Не зря же он закидывал, не хочу ли с Юлечкой после обеда в бадминтон перекинуться. А у неё дела. Чем я хуже? Ну что я валяюсь, как дурак?

– Ты куда? – сонно спросил отец.

Головы даже не поднял.

«Не твоё дело», – хотел огрызнуться сын, и даже хуже кой-что чуть не брякнул, но спохватился и ответил благоразумно:

– С Юлей договорился.

– О чём? Куда вы намылились?

Эти вопросы сын оставил без внимания, попросту вышел, хлопнув дверью. Чуть-чуть не хватило сил, чтоб развалить к чертям свинячьим фанерный курятник. Крепко приложил, аж стёкла в окнах задребезжали. Зашагал... Куда? После обеда в санатории все как вымерли: жарко. Нет, не все; слышно, стучит где-то по теннисному столу шарик, но что толку, если никого не знаешь? Даже если они там режутся навывлет – это же надо подойти, попроситься. Нет. Сын брёл, думая: вот она, свобода, могу идти куда захочу, и что же – так и не найду куда себя деть? Получается не свобода, а одиночество. Пойти не к кому. Не к Юлке же. Деловая. Наверное ей никогда не бывает одиноко, всегда при делах. Сама решает, что можно и чего нельзя, а не как я. «Па, а если после обеда на реку?» «Нельзя сразу после обеда, часа через два» И я, как осёл, слушаю его, киваю. Вот бы сейчас прямиком на пляж... А кто мешает? Плавки на мне. Полотенца нету. Дурак, дверью хлопнул, полотенце не взял. Не возвращаться же. Нафига мне оно в такую жару? Так обсохну.

Пусто было на пляже в послеобеденную пору, какие-то девчонки на мостках, да ещё четверо картёжников в тени под ивой. В воде никого. Всем после обеда нельзя, а мне можно, думал мятежный сын. Что хочу, то и делаю.

«Вход только по санаторным картам!» Надпись над входом.

Фигня, решил он, раздеваясь возле ивовых могучих корней, утром никто не проверял и сейчас не станет. Никого в будке спасателя. А, вон он где, у лодок, базарит с какими-то. Парочка – пастух и доярочка. Мы на лодочке катались золотисто-золотой, не гребли а... Лодку бы взять. Ни денег нет, ни карты санаторной. Ладно, можно завтра. И послезавтра можно. Делаю что хочу. Свобода!

По вязучему песочечку мимо картёжников по сходсходсходням на мостки прочь! девчонки отшарахнулись прочь видят сразу бегу и с разбегу р-раз! И-их!..

На миг застыла перед глазами тёмнозеленоволнистая плёнка с размытым отражением падающего свободно на фоне перистых облаков человеческого тельца.

В воду!

Плёнка лопнула, шарахнув по лицу, вскипел пузырьками холодный и тесный мрак, принял разогретого солнцем мальчишку, как принимал несчётные тысячи до него и после него примет, обнимет, не разбирая родства, сколько надо столько и возьмёт, хоть с разбегу, хоть без; сглотнёт и охладит, если сможет.

Выгребая из сумрака к солнцу, он думал: ил, донная муть, не то что на море. Там каждый камушек на дне видно, а здесь открывай или не открывай глаза – ничего интересного и звуки не те, никакого тебе прибоя и шороха гальки, как будто вата в ушах, и вода не такая, потому что прес... Фрс-с! Кха! Ха! Пресная.

Вынырнул, отплевался. Далеко ли? Чепуха. Берег, мостки с девчонками, ива – всё струится, глаза мокрые.

Он лёг на спину.

Так себе вода держит. Это тебе не море. Зато на море не увидишь того берега с тростниками и кувшинками, и стрекоз над водой не увидишь, и что-то я не помню, чтоб там мне было так свободно, как здесь и сейчас, но это не свобода, только кажется. Есть ведь течение. Несёт, рано или поздно вынесет в море. Если очень долго лежать. Но зачем долго, никто не заставляет. И на берег никто не зовёт. Что хочу, то и делаю. Так и становятся взрослыми? Выходит, одиночество не такая и плохая штука. Музон кто-то врубил. Клёво. Спасатель лодку отвязывает для парочки. Сплавать на другой берег? Лень. Вылезу, обсохну. А музон у него что надо, это тебе не «мы на лодочке катались».

«By the rivers of Babylon. There we sat down», – лениво бренчал магнитофон в камерке спасателя. Мальчишка, не понимая слов, мычал под дискотечный хит. Плыть под такое – одно удовольствие. Обратно к мосткам.

Девчонки-то, что на мостках, оказались совсем взрослые. Одна по крайней мере, та, что смотрит сверху вниз. Пока искал, где лучше ухватиться, чтоб одним махом из воды вылезти, она стащила через голову платье, осталась в купальнике. Казалась высокою, волосы чёрные до плеч, а купальник у неё – это да. Было на что посмотреть. И она, поправляя волосы, прекрасно знала, что на неё смотрят. Всё вокруг замерло, пока она окручивала волосы, однако глазеть с открытым ртом тоже не дело, надо из воды выбраться. Махом выскочить он не смог, всё-таки прилёг на живот, а когда отдувшись встал на одно колено, увидел перед собой пару загорелых девчачьих ног. Босиком она. Не та, другая. Эту и теперь принял бы за девчонку, должно быть потому, что раздеться до купальника не успела, да и не собиралась, похоже, а просто так стояла, опершись на поручень, разглядывала с усмешечкой. Та, первая, сказала:

– А ты ничего... ныряешь, я уже думала, не утоп ли.

«Это мне? Смеётся. Ну и пусть. Красотка».

Ответа не нашёл, смолчал. Мальчишка. Текло с него на доски мостков, как с мокрой собаки, и это не имело значения. Пусть. Ты ничего – это она мне. А сама не то что ничего, полный отпад. В кино только и бывают такие. Вторая обыкновенная, но и ей было смешно, когда из воды лез. «Не раздеваешься, потому что показать нечего?» – мстительно подумал мальчишка. Красотка тем временем потеряла к нему интерес, что-то высматривала на другом берегу. «С воды выглядела высокой. На полголовы ниже. Если стать с нею рядом...» Не решился. С её подружкой рядом – это сколько угодно. Потому что обыкновенная и ростом по плечо.

– Просто так нырял или искал что-то? – спросила красоткина подружка.

– Что тут искать, ничего не видно, ил.

– Здесь искать нечего, вот выше по течению, за мостом – там интересно.

– Лилька, про что ты? – надменно перебила Красотка, смотря вдаль. – Не слушай её, не знает чего говорит. Плавать вообще не умеет, а туда же: «выше по течению, за мостом». Там и кто умеет – нырнёт и обратно не вынырнет: коряги, омуты.

– Я знаю что говорю, – упрямо возразила Лилька. – На пляже ничего интересного, а выше по течению и на озёрах...

– Эй, Вовчик-братик! – окликнули с отчалившей лодки.

Удивительно. Оказывается из той парочки девушка вовсе никакая не доярочка, а Юлька. Как меняют человека широкополая шляпа и огромные стрекозиные очки! Ничего себе у сестрички видик, когда в купальнике, а казалась тощей. Понятно, что у неё за дела. Экий кабан на вёслах.

– Вовчик-братик, если спросят, ты меня не видел! – крикнула Юлька.

– Хорошо, – буркнул мальчишка, думая: «Вот дура. Орёт на весь пляж. Очень надо мне её видеть».

– Слышал? – едва ли не с угрозой осведомился юлькин гребец.

– Тебя Володей зовут? – спросила, глядя на мальчишку искоса, Лилька.

Он скривился, имя своё не любил. Ответил:

– Зовут, как видишь.

– Не очень-то тебе это имя подходит. А Вовчик – да. Вполне.

– Можешь звать Вовчиком.

– Она тебе сестра? Кричала «Вовчик-братик».

– Нет, – сказал названный Вовчик, удивляясь, почему так легко получается общаться с Лилькой. – Это она просто так. Но может пролезть в сёстры.

– Как так? – спросивши, Лилька ответа не дождалась, тут же обратилась к подруге – Оль, ты Игоря высматриваешь? Вон он плывёт с того берега.

– Где?

– Да вон же, за лодкой. Тебе оттуда не видно.

– Мне и отсюда не видно, – подойдя ближе, возразила Ольга.

Дыхание перехватило у Вовчика, когда, очутившись рядом, она коснулась бедром. Он посторонился, уступил место.

– Не видно, потому что нырнул.

– Эй! Эй! – заорал вдруг юлькин гребец. – Сдурел?!

Лодку раскачивало, Юлия вела себя как полагается, визжала.

– А, это ты, – сказал гребец тоном ниже высунувшейся из-за кормы голове. – Доиграешься. Слышь, Корж? Веслом бы перецепить ты по башке за фулюганство.

– Сидор, где такую очкастенькую подцепил? – осведомилась голова. – На острова везёшь? Я с вами. Бери на буксир.

– Это Игорь. Шутит он так, – нервно пояснила Ольга.

– Я тя щас возьму. Корж ты моржовый. За чо достану, – пообещал Юлькин гребец.

– Ладно, гребни давай! – крикнул Игорь. – Угрёбуй отседова!

Лодка получила толчок, Юлькин ухажёр расхохотался, стал грести.

– Вёсла не зануривай, деревня! – крикнул вслед Игорь. Он повернул к берегу, плыл ровным кролем, завидно было смотреть, как плыл.

– Не понимаю таких шуток, – сказала вдруг Лилька.

– Тебе и не надо, не для тебя старается.

Для кого старался Игорь, стало видно, только лишь выбрался на мостки. Как дрессированный тюлень выскочил. Дрессировщица – Ольга. Вместо рыбки тоже она. «Ростом он ниже её, и ничего, пофиг, – думал Вовчик. – Зато руки как у обезьяны. И вообще на Челентано похож». Смутить похожего на Челентано Игоря, судя по выходкам, было сложно; со всеми, в том числе и с Вовчиком, которого видел впервые в жизни, он был запанибрата. Узнавши имя, тут же окрестил Вовкой-морковкой, вывалил пару затёртых анекдотов про Вовочку – бесцеремонно, однако почему-то необходимо. Лилька, кажется, тоже не обижалась за то, что постоянно обзывал хромоножкой. «Почему? Вдруг она действительно... Может, поэтому и не умеет плавать? На перила всё время опирается».

Игорь запросто болтал со всеми сразу, Ольгу тискал, и ей это вроде нравилось. А он – как так и надо. Вовчику смотреть на всё это было тяжко. Дурацкое положение, давно сбежал бы, если б Ольга изредка не поглядывала из-под ресниц и:

– Вовчик, а ты санаторский, да?

Спрашивая, к локтю притрагивалась. От прикосновений сердце пропускало удар, зато после колотилось как ненормальное.

– Инкубаторский он, – говорил Игорь.

– Д-да, – слова у Вовчика выговаривались без голоса, внутри всё как ватное. Точно – чувствовал себя как ошипанный бройлер, да вдобавок – стыдоба! – только притронется Ольга к локтю, тут же и крючит Вовчика, чуть ли не пополам сгибает. И все же видят, никуда не спрячешься. Дурацкие плавки.

– Так ты, значит, городской, – говорила Ольга. – А нырять силён. Предки на заводе?

– В кабэ, – едва шевеля губами, ответил Вовчик.

«Присесть на мостки? Ух, стыдобища».

Вовчик сел на мостки, обхватив колени руками.

– Твоё кабэ никого не грэбэ, – сказал Игорь. – Нырять силён? А ну давай, кто дальше.

Вовчик помотал головой. Больше всего ему хотелось лечь на живот или как-то добраться до собственных штанов, которые, чтоб им пусто, на берегу остались, под ивой.

– Силён! – подначивал Игорь. – Сила, как у сталевара.

– Это как? – искренне удивилась Ольга.

«Дурацкий бородатый анекдот».

– Вся сила в плавках.

«Смешно им. Этот ржёт, Олька смеётся. И Хромоножка?»

Улыбка у Лильки странная, кривенькая, как будто потянули за нитку с одной стороны.

– Не хочешь? А я сплаваю. Олька, ты как?

Она отнекивалась, но явно для виду. Когда Игорь столкнул в воду, хоть и назвала дураком, хохотала и визжала в полном восторге, а Вовчик молча страдал от мысли, что вот ведь, лучше быть таким дураком, чем некоторые умники.

На плечо рука легла. Легко, как кленовый лист. Лилька?

– Мы с Мухтаром на границе, – дурачась, орал из воды Игорь. Успел спрыгнуть следом за Ольгой.

Вовчик, шевельнув плечом, сбросил руку.

– Тебе неприятно? – спросила Лилька.

И снова стало Вовчику стыдно: странная смесь стыда и жалости. Непонятно, кого жаль: себя или хромую девчонку, которая никогда не сможет ни нырять, ни плавать как все нормальные люди.

– Не обращай внимания, он со всеми так, – сказала Лилька и присела рядом. Опустилась на мостки, подвернув ноги.

«Неприятно – это не про то, что руку на плечо положила. Не я её, она меня жалеет. За Мухтара на границе и силу в плавках. Фу, стыдобища, как у волка на морозе. Очень мне надо, чтоб жалели всякие хромоножки».

– Ты правда купаться не хочешь? – спросила Хромоножка.

– Да.

– Зачем тогда здесь торчать?

«Торчать? Это она в самую точку. Ловить нечего. И что-то не заметно особой жалости».

– А куда деваться? – буркнул он. – Куда здесь ходят вообще?

– Вечером можно в кино. Тебя же пригласила Олька?

И точно, пригласила. Как она говорила? «Вокзал для двоих. В летнем. Начало в восемь. Место тебе занять?» В кино придёт наверняка со своим челентано. Что я ей ответил? Мычал, как баран. Так бы и не вспомнил, когда б не хромоножка.

– До вечера ещё куча времени, – сказал Вовчик, с тоскою глядя на две головы, что на поверхности воды, точно мячики. – На реке тощища, а что здесь ещё есть, кроме неё?

– Тощища не на реке, а на пляже, – возразила Хромоножка. – На реке здорово, кроме неё тут есть лес.

– Знаю я такие леса. Посадка насквозь загаженная. Санаторий же.

– Ничего ты не знаешь. Никакая не посадка, настоящий лес. Заповедник. Ничего там не загажено, санаторские далеко в лес не ходят, потому что заблудиться недолго, а я...

– Что – ты?

Смотреть на сердитую Хромоножку Вовчику понравилось, симпатяга, и болтать с нею было легко.

– А я хожу. Я там дома.

Так и сказала. Не «я там как дома», а «я там дома».

– Раз ты там дома, зови в гости, – ляпнул Вовчик. Само собою как-то получилось.

– А пойдём, – пригласила Хромоножка, мигом оказавшись на ногах. Руку протянула, как будто не она хромонога, а Вовчик.

– Прямо сейчас?

– Не хочешь? Говорил, деваться некуда.

«А вот есть куда. Отец с ума будет сходить, куда я делся. Ничего, пусть», – подумал Вовчик и ответил.

– Хочу. Пойдём. Сейчас, оденусь только.

Он обнаружил, что может спокойно встать, не будучи при этом мишенью для глупых шуток, к тому же плавки на горячих досках почти высохли.

«Незаметно, чтоб Лилька хромала, – одеваясь подумал Вовчик. – Почему тогда хромоножка? В лесу она дома. Стрижена коротко, голова круглая, повадки кошачьи. Шея тонкая, лопатки торчат, глаза дикие. Кошка лесная. Кошка по имени Хромоножка. Может, поэтому прозвище? Да ну. Откуда тогда Игорь взял? Вид у него такой, как будто ни в жизнь, ни одной книжки. Может, Ольга выдумала? Кинуха шла по телеку, все смотрели. Фу-уф, наконец-то в штанах. На человека похож, а не на клоуна. Вовчик-братик. Хорошо, что Лилька не рыжая. И вообще...» Было Вовчику хорошо идти с Хромоножкой по сельской улочке. Взяла под руку без всякого смущения, будто не полчаса как познакомились, а с самого детства, и видно было – чихать ей, что глазают бабульки. Ноль внимания на них. На небо поглядывала, но больше на Вовчика – искоса, и болтала как так и надо. Так и надо было Вовчику. Спросил же зачем-то

про Игоря – получи: спортсмен, на два года старше, семнадцать ему, здесь на сборах в спортлагере, на том берегу. Гребец. Они тренируются ниже по течению, где русло шире и прямой участок. Байдарки и каноэ. Олька – местная, знает его не первый год.

Сказав про Ольгу, Лилька изучающе глянула, и тут же снова на небо, через плечо. Чего оглядывается? Вовчик проследил. Над рекою в июльской, подёрнутой молочными плёнками облаков синьке, как росчерк пера, большая чёрная птица.

– Скопа, – пояснила Хромоножка. – Сторож. За меня волнуется, куда это я и с кем.

Она помахала рукой, мол, всё в порядке.

– Всё равно ей оттуда не видно, – неуклюже отшутился Вовчик. Понятно, шутит Хромоножка, подсмеивается.

– Не ей, а ему. Ещё как видно, зрение у него прекрасное, рыбу оттуда видит в воде. Рыболов. Но ему сейчас не до меня, птенцы не оперились, надо их кормить и жену. Три клюва в гнезде, да ещё какие, десять рыб в день. Погоди, я ему скажу, что в лес иду и на реку не вернусь.

Серьёзно она говорила, без тени улыбки. Хотелось ей верить. Лжи Вовчик не любил, но разве это ложь? Фантазия. А может, и вправду там скопа-самец, у которого в гнезде двое голодных проглотов и жена. Если знать, что обыкновенно у скоп в гнезде двое и к началу июля они ещё не оперились, угадать просто, но... То-то, что но. Разглядеть на таком расстоянии птицу казалось Вовчику невыносимым, даже если знать, как выглядят самцы скопы. «Что она делает?» Хромоножка остановилась, раскинула руки, а потом сложила над головой домиком.

– Всё, – сказала. Снова взяла под руку и пошла рядом. Не хотел Вовчик, но оглянулся прежде чем свернуть куда вела – в переулочек, к лесу. Не без удивления заметил:

– Улетел. Куда это он?

– За мост, к озёрам. Здесь ему ловить нечего, пляж. На километр вся рыба распугана.

– Десять рыб в день, – пробормотал Вовчик. – Бедняга.

– Да, нелегко. Старый он уже, пятнадцать лет. Точно как мне. Старичок мой, речной сторож. Погоди-ка.

Лилька запрыгала на одной ноге, скинула босоножку, потом другую. «Песок. Мелкий, белый. Ноги вязнут. Дурацкие вьетнамки по пяткам шлёпают», – думал Вовчик, но разуться не решился. – Шишки же повсюду. А ей хоть бы хны. Никакая не Хромоножка. Та была нарисованная и не умела врать. Эта настоящая и не хромает».

Совершенно естественно вела себя Лилия; разулась, как будто вернулась домой. Нисколько не удивился бы Вовчик, оставь она босоножки при входе под каким-нибудь деревом. Не оставила, несла, подцепив за ремешки одним пальцем. Куда-то вела. Вовчик заметил, что тропинка-то вовсе не тропинка, а промоина, выглаженное водой русло пересохшего ручья. Корявые корни сосен торчали из откосов справа и слева; которые живы – те ещё ничего, но высушенные добела напоминали кости. Мрачно как-то. Вовчик вздрогнул, за спиной захлопали крылья. Птицу разглядеть не успел.

Лилька фыркнула по-кошачьи, и со смехом:

– Принял дежурство. Не оставят они меня. Лесной сторож. Не обращай внимания.

Вовчик попробовал не обращать внимания, но ощущение, что кто-то следит – противная штука, так просто не отмахнёшься.

Лилька беззаботно трепалась про лесного сторожа, как будто про дальнего какого-нибудь надоедалу-родственника, Вовчик слушал вполуха. Хищная птица со смешным именем. У всех бывают родственники-надоедалы, хорошо если дальние. Тут ближних навязывают. Тетку ту хищную и с нею в нагрузку Юльку.

– Ты всегда такой... бука?

– Только сегодня.

– Специально для меня?

- Нет.
- Заговорила я тебя?
- Нет.
- Молчишь всё время. Что-то случилось у тебя? Сегодня.

Вовчик возмутиться хотел, что вовсе не молчит и ничего не случилось, но неожиданно для себя стал рассказывать про санаторий вместо моря и про то, что отец, как оказалось, лгун, не в автобусе познакомился с Татьяной, а точно – гораздо раньше, и уговорился с нею встретиться, за один стол усадил с деловой Юлечкой, которую собирается сделать сестрой. Лжёт постоянно, ничем не болен, а справку взял у врача, что нуждается в санаторном лечении, и всё для того, чтоб двадцать четыре дня проторчать в глуши, поближе к Татьяне. К ней ближе, не к сыну, а того сплавить куда-нибудь в бадминтон играть с Юлькой, которой нафиг это не надо, а нужно с кабаном в лодке, да ещё и подговаривает она, что дескать не видел. Шляпу нацепила, очки. Ложь, повсюду брехня, все врут.

– Понимаю, – сказала Хромоножка. – Не выношу вранья. Жалеешь, что приехал? Сюда.

Не по дну ручья идём, заметил Вовчик, тропинка вдоль склона. Давно вышли из промоины. Кусты по обе стороны. Малина? На измазанной соком ладони у Хромоножки капельки пузырчатых малиновых ягод. Жалею? Нет, с удивлением понял Вовчик.

– Теперь не жалею.

Одно удовольствие идти с нею рука об руку, наблюдая, как губами берёт с ладони одну за другой малиновые капли – изучать повадки правдивой лесной кошки.

– С отцом теперь в ссоре? – спросила она.

– Да так, чуть-чуть. Погрызлись. То ли ещё будет, когда вернусь.

«Может, он и не заметил. Хотя дверью я саданул крепко».

– Погрызлись? Зачем?

– Низачем. Потому что он мне врал.

– Может, просто не знал как сказать. Он не виноват. Думаешь, так легко?

– Не знаю. Поздно теперь думать, кто виноват. Когда вернусь – погрызёмся, точно тебе говорю.

– Не надо. Ни он, ни ты, никто не виноват. Это Эрида.

– Кто?

– Раздор. Чёрную собаку видел поблизости?

– Нет.

– Значит, не было ещё ссоры, раз не показывалась.

– Чёрная собака? Что за чепуха!

– Не чепуха. Её часто там видят. А вот зачем надо было санаторий строить на проклятом месте?

– Проклятом?

– Тут город был. Скифский. Его сожгли, и триста лет место было пусто, ничего не росло. Потом, гораздо позже, построили новый город, но долго он не выстоял. Где поселилась Эрида, там людям нечего делать, особенно если не знают, как быть с раздором. Теперь они санаторий построили, но Эрида их выкурит. Они же не знают, как заговорить чёрную собаку.

– А ты знаешь. Ну давай, заговори её. Чтоб я не грызся с отцом.

– А ты не хочешь?

«Получается, не хочу», – подумал Вовчик и помотал головой.

– Это уже половина дела. А вторая половина... – она помолчала и прочла на ходу, нарасспев:

Не рычи Эрида, Нюкты дочь,
Спрячь клыки и скройся

В ночь, в ночь, в ночь.
Споры и раздоры не пророчь.
Ты – ничто, покойся.
Прочь, прочь, прочь!

Теплая волна прошлась по затылку. Шею согрела, плечи. «А, это солнце, – сообразил Вовчик. – Когда успели выйти?»

Они вышли на опушку, к травянистой низине с одиноким, похожим на шарик деревом.

– Вот и всё, – проговорила Хромоножка. – Не будет у тебя с отцом ссоры.

Крупная тёмно-серая птица скрутила над лесною котловиною спираль, снизилась, исчезла в шарике кроны.

– А я бы хотела поссориться с папой, – сказала Хромоножка. – Чтобы потом помириться.

– Так и поссорься. Это нетрудно.

– Невозможно. С папой не получится, разве вот с мамой. Но с нею воевать не хочу.

«Она знает, как заговорить чёрную собаку, с нею невозможно поссориться, пока сама не захочет. Разве так бывает? Чтоб без грызни».

– Не хочешь?

– Не хочу. Нет. С мамой опасно.

«Я вот тоже не могу с мамой, – с горечью подумал Вовчик. – Зато очень скоро, кажется, буду воевать сколько захочу с Татьяной. Круглые сутки придётся читать заклинание. Надо бы выучить. Как там? Не рычи Эрида, чья-то дочь. Фигня всё это, детские сказки».

– Всё равно с отцом поцапаемся. Я ушёл на пляж, ему не сказал. Теперь, если прогуляю до самого фильма... Слушай, ты в кинуху собираешься? На «Вокзал для двоих».

– Не люблю я кино, но если с тобой – пойду. Попробую.

«Если с тобой – пойду», – повторил про себя Вовчик, ничего не нашёл умнее брякнуть, чем:

– Классно.

– Но мне бы домой попасть, а это не близко.

– Проводить?

– Не надо. Лучше сама тебя выведи обратно к лесной калитке, а то ещё заблудишься.

Вовчик оглянулся. Поляну со всех сторон обступили деревья.

«Откуда мы пришли? Не помню».

– Где это мы? – спросил он как можно небрежнее. – Далеко отсюда до санатория?

Хромоножка рассмеялась, снова взяв под руку, сказала:

– Не дальше, чем оттуда сюда. Если днём. Заячий овраг это. Пойдём.

Довела до самой лесной калитки, там отпустила, условившись встретиться без четверти восемь возле входа в летний кинотеатр, и тронулась в обратный путь. Вовчик провожал её взглядом, пока не исчезла за деревьями. Шла быстро, несуетливо, лёгким шагом человека, привыкшего к дальним переходам. Босоножки несла в руке. Куда она? Сказала «домой», но ведь возле Заячьего оврага, куда ходу столько же сколько и оттуда, говорила, что дом далеко. Местная? А выговор городской.

Вовчик брёл прихрамывая – ногу растёр, надо же! – к выстроенному на проклятом месте санаторскому домику. С отцом поговорить собирался, думал однако же не о том – переживал заново необычайное знакомство с необыкновенной... Язык не повернулся назвать Хромоножку девчонкой или ещё как-нибудь пренебрежительно. Удивительно: ни разговор с нею, ни она сама больше не казались ему странными.

IV

Я словно бы грезил наяву, как сторож присматривал за Вовчиком-братиком и беспечной девочкой. Ни остеречь их – глупые, что же вы делаете? – ни изменить что-либо. Не плавают люди против течения времени, как бы им того ни хотелось. Течение времени?

Я очнулся. Не годится дремать, я же рассказываю. Лишнего не сболтнул?

Лидка разнежилась. Слушая, улеглась на скамейку, голову пристроила у меня на коленях. «Нету лишнего, – одёрнул я вредного внутреннего цензора. – Лидке всё можно. Решил начистоту, не пияться, „всё“ значит всё. Безразлично мертвецам, о живых думай. Но не могу же я взять и выложить сразу, духу не хватит. Вечер уже. Странно. Что за притча со временем? Не задряхли же мы оба!»

– Лидка, я тебя усыпил?

Не спала, глаза открыты, в них охваченное сосновыми лапами предвечернее небо.

– Даже не знаю, – потянувшись мурлыкнула. – Я как будто... Слушай, Люшка, кто тебе всё это рассказал? Про скопу-сторжа, про чёрную собаку. Вовчик?

«Того, кто всё это рассказывал, больше нет», – подумалось мне. Вслух ответил:

– Про скопу-сторожа Лилия многим рассказывала, историю про чёрную собаку тоже. К примеру, Ольге. Та, конечно же, растрепала Игорёхе и не только ему одному. Общительной была, даже чересчур.

– Вот дуручка!

– Оля?

– Нет, Хромоножка.

– Знаешь, Лидка, не трогала бы ты её!.. – начал я. Осёкся, продолжил тоном ниже:

– Думаю, так она пыталась выбраться из своего мирка в мир людей. Сделать это можно было двумя способами: пустить людей в мирок или расширить его так, чтоб в нём оказались люди.

– Вот я и говорю: дуручка. Нельзя пускать кого попало, это опасно. Натопчут, цветы оборвут, наплюют по углам. Мирку не выстоять.

– Чего не сделаешь с отчаяния. Хромоножка была отчаянным существом. Мир её, кстати сказать, оказался прочнее, чем можно было ожидать, – возразил я, а про себя додумал: «Она хотела, чтоб разросся до размеров большого мира. Не получилось. Жаль. Но ей-то уже всё равно».

– А вот не нужно было проверять на прочность.

– Время показало... – начал я, но отвлёкся.

Комар. Темнеет, поговорить спокойно кровопийцы нам больше не дадут.

– Кстати, о времени, – Лидка подняла голову. – Мне кажется, или ты собирался на обратном пути заскочить в магазин?

– Да! – спохватился я, хлопнув себя по лбу. – Поторопиться бы нам, раньше он до пяти работал.

Жена моя вставая сказала:

– Шишку набьёшь. Что за театральные жесты?

– Комар, – пояснил я, потирая лоб.

– Едят тебя?

– Ещё как. Это ты же у нас невкусная.

Странно даже, никогда Лидку комары не трогали, а я и дети вечно покусанные. Неудивительно, что воспряли кровопийцы, сыро, зябко. От реки тянет?

Лидка обмахивая меня, невразумительно бормотала под нос. Я расслышал: «Кома-ришка... злишка... над ушком... хлоп!»

Стишки такие: «Комаришка, зудка, злишка, не иметь тебе детишек, не пищать во тьме над ушком, кровушки не пить из душки, хлоп!» Откуда? Ну как же. Лидка Тёмке или Димке или обоим сразу пела, когда те ныли, что заедают комары и всё от них чешется. Просто смешные стишки. Но почему мне кажется...

Я тёр лоб, пытался поймать вёрткую, как комариха, мысль, но та не давалась.

– Что, ещё пристают? – спросила Лидка.

– Нет, – рассеянно ответил я, косясь на штырь, оставшийся от последнего в барбарисовой аллее фонаря. – Просто показалось. Дежавю.

– Это точно, что дежавю. Пойдём.

Она потащила меня прочь; вскоре нам пришлось сойти с аллеи, потому что кусты сначала превратили её в тропку, а после и вовсе задушили в объятиях.

– Лидка, мы там не пройдем, – напомнил я. – Ворота заварены.

– А, да. Совсем забыла. Это всё ты с твоими рассказами. Мне показалось... Как здорово, что ты меня сюда привёл! Видишь, не было ничего страшного.

«Это потому что тут и раньше не было особенно страшного. Самое нестрашное место. Раздор – чепуха, мелочи. А развалины здесь, потому что всё вообще развалилось, а не один санаторий. Почему развалилось? Не только из-за раздоров. Врать себе не надо было, вот почему».

– Ничего страшного, – говорила Лидка. – Ничего, что нет больше калитки, если нет и забора. Всё к лучшему. Ох, как мне хорошо!

О себе я такого сказать не мог. Стал накрапывать дождь, не зря днём лезла туча. Зябко. Река тянулась к лесу туманными щупальцами.

– Хорошо мне! – радовалась Лидка, ловя на ладонь дождевые капли. – Как будто в себя пришла после обморока. Теперь бы поесть.

– Хорошо, что хорошо, – буркнул я, ускорив шаг. – Но хорошо бы в магазин успеть.

«Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего. Трава на лугу мокрая, хорошо хоть выкошена».

– Да ладно тебе, есть же что поесть, я взяла, на вечер хватит и даже на утро.

– Хорошо бы плащи прикупить одноразовые. Дождь. А я-то хотел окунуться перед ужином. Обидно.

Я брюзжал, что вот ведь гадство какое, не было в прогнозе осадков. Лидка не обращала внимания, выглядела счастливой, вдыхая морось.

«Ей-то что. Плавать, как и всегда, не собирается. Тоже мне гидробиолог, одни бассейны на уме и аквариумы».

Упрёка Лидка не заслужила, не её вина, что гидробиологу, кандидату наук между прочим, приходится зарабатывать на жизнь, устраивая пруды, бассейны и аквариумы для тех, у кого есть деньги на подобную блажь. Самому мне грех жаловаться, в жизни бы не встретил жену, когда б её хобби не вошло в моду и не стало профессией.

Знакомые строители, с которыми в конце прошлого века общался в качестве технадзора и представителя заказчика, позвали меня однажды составить заключение для одного клиента – жирного (по определению моих знакомых). Неофициально пригласили, разумеется, просто как человека, о котором точно знали, что если скажу «нет технической возможности», значит её действительно нет. Сами они сомневались – все, кроме директора. Зяма по образованию повар, в строительстве понимал, как я в котлетах по-киевски. Съесть могу, но чтоб приготовить – это не ко мне. Зяме очень хотелось откусить от жирного клиента ещё кусочек, но подчинённые категорически сомневались и уговорили позвать эксперта. Понятно, почему сомневались.

Заказчику втемяшилось перегородить комнату аквариумом три на пять; какой-то сумасшедший дизайнер убедил его, что выглядеть будет круто, взял денег за разноцветные картинки и был таков. Заказчик как человек опытный понимал, что одних картинок для крутости мало, перетёр с пацанами и те подогнали ему грамотного аквариумиста, целого кандидата наук.

Ну какой же аквариумист в здравом уме откажется от предложения забахать аквариум три на пять метров и заселить его по собственному вкусу? Дело у клиента было уже на мази, оборудование заказано, обитатели тоже и даже корм для них; осталось свистнуть строителям, чтоб построили всё это вчера. Что тут строить-то? Стенки стеклянные, то-сё. За срочность, естественно, с хозяина причиталось, а как же, стройте только мухой, вы же строители – вам и карты в руки. Вот тут и начались непонятки. Оказалось, к аквариуму надо подвести воду, и не только подвести, потому что – странно, правда? – из-под крана не годится, надо её готовить, чтобы не пришлось опять тратить на покупку новых рыб дурные бабки. Систему придётся какую-то закрытую сделать с фильтром, чтоб воду не менять, а подливать только. Это ещё ладно, но как понять строителей, которые сомневаются, что такое можно построить? Лавэ же клиент даёт сколько надо. Чё непонятного? Какого ещё вам эксперта-шмексперта? Какое заключение? Вы на чё, блин, намекаете?

Они намекнули, что без меня никак. Мне трёхминутного осмотра хватило, чтоб установить: со мною тоже никак. Со мной или без меня, без разницы, никогда не будет построен аквариум поперёк комнаты на пятом этаже дома с деревянными перекрытиями.

– Не понял, – сказал заказчик.

– Восемь тонн одной воды.

– Откуда восемь тонн?

Хоть мне к тому времени исполнилось всего-то тридцать два, опыт прямого общения с заказчиками я уже имел, поэтому спокойно ответил:

– Оттуда, что восемь кубических метров.

На какое-то время свежесть мысли парализовала волю клиента. Он подсчитал на калькуляторе и был вынужден признать – таки восемь кубов, как ни крути – и с большим раздражением осведомился, не сомневаюсь ли я в его финансовых возможностях.

– Ну и чё, как восемь тонн? Воды что ль не хватит? А, так её ж всю готовить надо, аквари... умистка говорила. Да-а, попадалово. Ну, ты понимаешь, брат... как тебя? Понимаешь, Илюха, я ж своим напел: зафигачу на всю комнату аквариум. Ну, попал я, лады. Восемь так восемь. Скока денег тебе?

Я попробовал ему объяснить, что ни за какие деньги восемь тонн воды не станут висеть в воздухе, однако слова «несущая способность перекрытий» были для него пустым звуком, он решил, что я набиваю цену, и освирипел.

– Чё ты мне яйца крутишь?! – шипел он. – Нельзя?! Вон Зяма говорит, можно. А он строитель. Чё ты за хрен с бугра?! Чё ты мне тут втираешь: «нельзя»?! Ну и чё, как ты инженер?! Я таких инженеров на пупке вертел. Мне аквари... с-сука, не выговоришь, тёлка та, которая по рыбам, сказала – сделает, а ты...

Я попросил его позвать аквариумистку, которая взялась сотворить чудо. По звонку приехала Лидка. Скандал для неё закончилась относительно безболезненно только потому, что я влюбился по уши с первого взгляда и смог защитит. Когда разъярённый заказчик вопрошает: «Вы чё все, меня за дурака держите?!» – лучше смолчать, если врать не умеешь, но жена моя и молчать в таких случаях не считает возможным. Кончилось тем, что нас обоих он просто выгнал, надавил на Зяму – чтоб тот возвёл аквариум под собственную ответственность, а с рыбами решил разбираться сам. Зяме отвечать не пришлось, как-то вывернулся, до рыб дело всё равно не дошло, после первой попытки заполнить аквариум водой клиенту пришлось разбираться не с ними, а с жителями первых четырёх этажей разрушенного подъезда, и больше я про того клиента не слышал.

Выходит, если бы Лидке не вздумалось превратить хобби в бизнес, никогда нам не встретиться, поэтому я – не сразу, а постепенно – поменял отношение к декоративной аквариумистике и теперь не считаю её совершенно бесполезным занятием.

Пока размышлял над тем, какими чудом встретил Лидку, она привела меня к магазинчику. Был на старом месте, сохранился на диво – в том смысле, что как был остеклённым сараем, так им и остался, единственное улучшение, произведенное новыми хозяевами – место улыбчивого олимпийского мишки на входной двери занял кока-кольный Санта в санях, запряженных оленями. Рождественский дед улыбался, олени скалили отбелённые зубы, а вот продавщица встретила нас в лучших традициях советской торговли:

– Закрываемся, – мрачно сообщила она.

– Без четверти, – возразил я, а Лидка побрела вдоль прилавка, знакомясь с товарным предложением. Нельзя сказать, чтоб не было выбора, но ассортимент специфический: в основном бухло и печенье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.